

Тайны Небес 3

Тимур Агаев

Тайны Небес

Тимур Агаев

Тайны Небес 3

«Автор»

2026

Агаев Т. Д.

Тайны Небес 3 / Т. Д. Агаев — «Автор», 2026 — (Тайны Небес)

Что, если любовь — это не слияние половинок, а встреча двух целостных личностей? Пиона — эльф среди людей. Она скрывает уши под капюшоном, боится быть увиденной, но жаждет быть понятой. Это история о том, как боль превращается в силу, как молчание обращается криком, а любовь — становится единственным мостом между мирами, забывшими, что такое доверие. Но есть те, кто не хочет, чтобы мосты строились. Гавриус ждёт. Смертники готовы. А Небеса молчат.

© Агаев Т. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тимур Агаев

Тайны Небес 3

От автора

Здравствуй, дорогой читатель! Приглашаю тебя на диалог. Он будет на тему того, чем же на самом деле является любовь. Буду безмерно благодарен, если примешь моё приглашение.

Но для начала хотел бы зайти с иной стороны. Любовь спасет нас от боли, но что же представляет из себя боль? Замечалось ли тобою, что мы всегда стараемся придать ей смысл? Иногда — незаслуженно.

Почему даже боли нам важно давать смысл?

Не жизни, не миру, а боли.

А если бы не было боли? Я объясню человеку, что не способен чувствовать боли ни физической, ни душевной, смысл боли? И каким был бы этот человек? Он верил бы в эти смыслы?

Проведём мысленный эксперимент, никто не против? Несомненно, я против того, чтобы вредить, но что если в теории навредить тому, кого человек, не способный ни к какой боли, любил бы всем своим сердцем, разве несмотря на это не ощутил бы он боли в своей душе? Разве в таком случае невозможное не стало бы возможным? Что бы он почувствовал, как не боль? Если не боль, можно ли было утверждать, что он любил? Была бы в мире любовь без возможности чувствовать боль? Если бы предстала передо мной богиня философии, то этот вопрос задал бы прежде всего. И услышал бы, наверное, то же самое: человек любит, ведь знает боль. Но в то же время человек знает боль, потому что любит. Потому может любить искренне, безмятежно, даже по-детски.

Мы можем чувствовать привязанность, в том числе — привязанность к предметам, совокупности предметов, объекту или объектам. Почему? Поскольку вещи для человека могут иметь не только физическую, но и абстрактную ценность. Эта абстрактная ценность может вызывать чувства, так как чувства исходят из ценности, как и чувство привязанности. Итого как собака любит человека и привязана к нему, так и человек может любить и быть привязанным к вещи. Куртка, подаренная любимым дедушкой, разве может быть человеком не любима? Но и не это ли — в основе рабства от вещей?

Не это ли становится базисом привязанности человека к неоправданно дорогим вещам? К ненужной роскоши, как и к привязанности к мнимому чувству важности, что она давала бы? Следовательно, есть любовь бессмысленная? Как и к людям, так и вещам? Бездушная любовь ради мнимого положения губительна, а создание уз через душу и любовь к душе чужой, в том числе и сокрытой в предмете, имеет смысл? Но почему именно такие условия мы ставим перед любовью, чтобы разгадать её искренность, или у каждого она своя? Может, даже та самая роскошь искренне любима, не с точки зрения денежного их эквивалента (ведь любовь не только ценность, и тем более не ценность финансовая точно), а с точки зрения символа самостоятельности и силы? Может, это попытка доказать хотя бы самому себе: «Теперь я не слабый, теперь всё иначе!».

И даже погоня за популярными вещами может быть лишь инстинктивным желанием показать: «Вот видите, я теперь свой, не делайте мне больно». И чем меньше смысла в роскоши, тем больше в таком восприятии рождается мысль: «Я могу быть сильным и значимым и без этого».

Так где любовь, а где рабство? Каждый сам даст на это ответ. Как и, разумеется, ответит на вопрос, что такое любовь, также каждый для себя сам. Ответ этот может меняться, ведь неважно, что говорит разум, пока чувствует и способно любить наше сердце.

Пролог

Жестокость и агрессия есть проявление животного, звериного естества человека. И ровно как человек считает себя разумным, настолько же страшным может быть и его неразумность. Гавриус хорошо помнил тот день, когда всё изменилось. Он хорошо помнит, когда человеческая ненависть переполнила необходимые рубежи, чтобы сдерживать себя. И он знал, что рано или поздно это закончится. Закончится закономерно, закончится жестоко, закончится так, как повелит животное естество.

— Нужно быть жестоким, чтобы выжить.

— Вам сейчас нужно быть жестоким, чтобы выжить?

— Нет.

— Тогда почему вы так считаете?

— Почему вы считаете, что яблоко — это яблоко?

Аудитория молчит.

— У кого-то есть предложения?

— Потому что оно пахнет как яблоко, выглядит как яблоко, и на вкус — яблоко?

— Отлично, вы вспомнили «Утиный тест». А теперь попробуем доказать следующее утверждение: «Яблоко красное». Как вы можете доказать, что яблоко красное?

— Потому что красное яблоко выглядит... как красное яблоко?

Гавриус подошёл к доске и начал что-то активно писать. Справа он написал слово «Красное», а слева — «Яблоко». А после сказал:

— Нам нужно разделить утверждение на составляющие и начать разбирать. Сначала нужно доказать первую часть утверждения. «Красное». Как можно доказать, что нечто является красным?

Из аудитории кто-то выкрикнул:

— Посмотреть на него!

— А если вы являетесь дальтоником?

После долгих размышлений кто-то пробормотал:

— Узнать в сети...

— Верно! Узнать информацию. Можно так. Но как вы её докажете? Либо опровергнете? Что нужно, чтобы что-то было красным?

— Мы должны воспринимать это, как красное... — послышался совсем уж тихий-тихий голос из конца аудитории.

— Отлично! Мы должны воспринимать что-то, как красное, чтобы оно было красным.

— А если мы — дальтоники?

— То значит, для нас яблоко не красное! Понимаете? Если бы мы не знали, что такое красный, то мы бы тоже старались описать это иначе. А как доказать «Яблоко», вы уже знаете...

Гавриус вытащил из-под стола два красных яблока: одно было настоящим, другое — игрушечным. И сказал:

— Как вы можете заметить, оба этих яблока выглядят красными, так?

— Так. — произнесли ученики хором.

— И оба этих яблока выглядят, как яблоко. Так?

— Так...

— Но... на вкус, и ощупь, они...

— Разные.

— Почему мы считаем одно яблоко игрушечным, а другое — настоящим?

— Одно мы можем съесть. — выкрикнула та же девушка, что и заявила тогда про поиск в сети.

— Гениальные решения просты, и вы правы, игрушку съесть нельзя. Но она игрушка только с нашей точки зрения. Мы видим, что это — игрушка, но что если бы мы ели пластмасс? Тогда она была бы едой?

— Значит... Почти всё зависит от нашего восприятия? И если оно было бы иным, то и воспринимали бы этот мир иначе?

— Вы до чертиков правы. Также стоит отметить, что если вы назовёте всё верное «неверным», а неверное — «верным», то с точки зрения языка слово «верно» будет обозначать «неверно». Так устроен наш язык.

И тут в кабинет заходит девушка Гавриуса. Гавриус расплылся в улыбке и направился к своей возлюбленной. Обняв её, тот слегка поцеловал её в щечку, проявив нетерпение к желанию расцеловать её полностью, ведь он так соскучился. Такова любовь. И где она была столько времени? Только Гавриус хотел спросить, как вдруг она сказала:

— Люди собрались. Они хотят...

Они хотели убить её. Убить, но не потому, что ненавидят, а потому что прежде всего искренне боятся. Люди видели в ней монстра, причём душа которого была скрыта от их глаз и открыта лишь одному. Это вызывало вопросы, а после — страх, в результате которого постепенно, практически незаметно, но планомерно зарождалась ненависть. Сердца людей что могли быть наполнены любовью и понимания, черствели под воздействием страха, а их зрачки наполнялись злобой. Рано или поздно всё должно было закончиться, ведь гнев глупцов никогда не знает своих границ.

И всё закончилось. В тот же день, в течении часа. И теперь слова о личностном восприятии мира для Гавриуса звучали уже совсем иначе. Подтверждает ли это его теорию или наоборот, утверждает агностицизм уже в абсолютном его виде, неизвестно, но с тех пор душа его была пуста, а разум заразился жестокостью. И он обещал вернуться в мир людей, рано или поздно, и пусть плату за грех совершат их дети либо внуки, но плату эту он жаждал заполучить в виде крови. И то было отражено в книгах, что тот направлял людям, чтобы они помнили. Таким образом, каждое новое напоминание о Гавриусе становилось вестником грядущего апокалипсиса.

Он выстраивал целую систему между мирами — и назвал это Небесами. Он возжелал иметь в своём подчинении весь род людской, а кто не имел бы желаний подчиниться, те были бы изгнаны или брошены на задворки судьбы, без возможности вернуться. Для той карательной миссии была собрана Небесная Гвардия. Но лишь один вопрос тот залушал в своей душе, душил его, но тот всё равно набирался сил заявить о себе — стал бы тот счастливым, застав кровь? Или он просто не мог забыть о своей трусости, где сбежал, не защитив свою любовь либо не сгорев вместе с ней.

Долгие столетия Смертники собирали его тексты. Они хранили их в особенных помещениях, с виду лишь немного напоминающих библиотеки, копировали и перепечатывали. Их называли безумцами, грежущими об апокалипсисе и рабстве. Люди жаждали верить в лучшее, верить во спасение, при этом не желали спасать себя самих, передавая ответственность за свои души в руки кому угодно, лишь бы подальше от своих собственных.

Смертники думали, что рабство спасёт их, что оно естественно в рамках выживания и поклонения эльфам. Эльфы были возведены на пьедестал, некогда занимаемый богами, и чем дальше, тем больше образ Гавриуса отходил в их глазах от истинного и преображался в нечто совершенное, в абсолюта, принимал безопасную для психики форму. Человек не желает считать себя или свой род виноватым, но с удовольствием примет положение раба, когда этого требует сила. Он не возьмёт в руки оружие, он создаст идею, где идеализируется рабство. И то есть высший ад для него, ведь и само человечество длительно выходило из этого болота, и чуть не увязло вновь не так давно, и возвращение в это болото значило бы бессмысленность жертв за свободу и смерть. Но столь субъективный и отстранённый от действительности образ Гав-

риуса дал им возможность верить в лучшее, к чему всегда так тянется человек. Но не гораздо приятнее ли знать дикую правду, чем купаться в сладостной лжи?

Внутреннее самоощущение сильно влияет на наше состояние и находится в обособленности от положения в социуме, прежде всего потому, что наша психика — не статична, и представляет из себя процесс. Любой процесс подразумевает как спокойное сосуществование сил, так и хаотическое движение при достижении определённого уровня накопления сил.

Человек является временно упорядоченной системой органов и тканей, которые в своё время — временно систематизированная система атомов и молекул. Мы были рождены из клеток, не состоящих в структуре, и тем и закончим. Так закончится всё, от идей до знаний, до рождения новых. Данный процесс, процесс жизни, свойственный всему смертному, при этом очевидно — существу, можно назвать временным переходом хаоса в состояние относительного и очень шаткого покоя: обретением хаосом, как уже говорилось, упорядоченной структуры, с последующим разрушением и новым витком преобладания хаотичности над последовательностью.

Покой и хаос, при всей их относительности, как система были описаны ещё в восточных философских учениях. Без покоя не было бы понятия хаоса, ровно как и без хаоса — не был бы осознан и понят покой. Восточные философы говорили о двойственности мира: война и мир, правда и ложь, верность и неверность. Эта система зависит полностью от того, как наша психика воспринимает мир. С древности эта двойственность закрепились в нашем сознании: мы или сыты, или голодны; либо в опасности, либо в безопасности. Мозгу проще и понятнее воспринимать наш мир с точки зрения чёрного и белого, при чётком их разделении. С соответствующим при этом капканом. Всё есть наше восприятие.

И возникает парадокс, что если всё есть наше восприятие, и при этом нашему мозгу проще воспринимать любые проходящие процессы исключительно с точки зрения двойственности, то изменение нашего внутреннего самоощущения может быть как условием для существования процесса, так и ошибкой нашего человеческого восприятия вследствие зарождения у нашего вида абстрактного мышления. Сложность нашего психоэмоционального состояния может обуславливаться развитием у человека гипертрофированного мозга.

Та же двойственность находится и в основе нашей культуры. Любая история, представленная человеком в искусстве, будь то компьютерная игра или роман, даже в каком-то роде изобразительное искусство, будет процессом противостояния протагонистических и антагонистических настроений. Эти настроения будут выражаться либо личностями, либо противоборствующими процессами. И примечательно то, что возможно доказать исключительно личностную природу такой двойственности, и главное — восприятия данной двойственности. Доказательство исходит из истории. В моменты проявления особенно выраженной жестокости между представителями человеческого рода по отношению друг к другу мы можем отметить в крайней степени разность или противопоставленность, при которой они лично нарекают себя протагонистами, а противников — антагонистами.

Причём одинаково со стороны каждого участника конфликта мы видим такую модель восприятия своего в нём места. Это доказывает личностность восприятия. Это тот момент, когда умирает логика и способность к саморефлексии.

Глава первая

Интеллект без эмпатии — яд, но можно ли считать человека без эмпатии вообще интеллектуально развитым, если эмпатия — это следствие интеллекта? Вероятно, с этим поспорил бы Джек, но и его разум разъедается с каждым днём. Ему снятся кошмары от лица то Джона, то Миланы, то Лало, коих он запер во имя своих финансовых целей. Гавриус уверял, что это поможет дать ему власть, а эльфы были созданы как рабы, но что если это не так? Что если Гавриус соврал? Он утверждал, что эльфы не чувствуют ничего, ни боли, ни любви, и лишь способны имитировать её, и Джек верил. Но что если это не так? То, как Пиона и Пол любят друг друга... Пол твердит о ней каждый час. Словно не может остановиться. А Пиона...

Пиона собрала вокруг себя полгорода! Что если это не механизм? Что если она действительно любит? Но Гавриус не может врать, это ведь он создал всех этих эльфов, так написано в древней книге! Или нет? Где истина?

И зачем их заперла та эльфийка? Странная, однако. Их заперла Мария. Которую бросили и оставили все, заиклившись на своих конфликтах. Им представлялось куда важнее измельчить психику Кейна, или то, что от неё осталось, а не смотреть в суть. Спросить, может выслушать. И потом становится очевидным сначала ограниченность душевная, а после физическая. Ведь тот, кто не способен говорить, не способен и управлять, и теряет доступ к управлению самим собой. Но разве это было поводом лишать их тел? Менять их жизни до неузнаваемости, заставляя играть чуждую роль во благо чего... Джек не хотел об этом думать. Он хотел сжечь любую сентиментальность, он жаждал стать монстром. Он думал, что перестать быть монстром — значит проявить слабость, пока его душа, а вернее то месиво, что от неё ещё осталось живым, тихонько шептала обратное. И это обратное его пугало, как зверя, загнанного в угол. Но тот уже не мог остановиться.

Их костюмы, вышитые из ткани и удерживающие внутри себя души, в то же время держащиеся за счёт внутренней системы проводов и металлических стержней и прутьев, были вершиной инженерно-магической мысли. И неужели эти души могут быть такими же, как и людские... Джек отметал эти мысли, говорил им «Убирайтесь!», но они всё наплывали и наплывали. Неужели и в монстре может заговорить человечность в виде страхов? Тогда, когда человек пропитан злом, его пугает добро, он его сторонится, но то настигает и заставляет признать его волю, власть, могущество, и тогда монстр принимает единственное решение — уничтожить свою душу. Ведь даже самое страшное зло всё ещё мельче и ничтожнее самого малого добра. И процессы в душе неостановимы, потому её нужно убить. Вероятно, этого и захотел Джек. Он убедил себя в том, что души разные, поверил в это, ведь верить в это было удобным. Но было понятно, что ему лишь глаза резала правда: души у всех одни, как у людей, эльфов, так даже и у животных. Но убив свою душу, ему закрылся доступ к правде.

В последнее время он видел, как постепенно сходит с ума: теперь чертежи могли находиться вовсе в самых неожиданных местах. То он найдёт их у себя дома, старательно раскрашенными цветными маркерами его дочерью, то и вовсе в той части зоомагазина, где спокойно ходили гости и разглядывали товар, параллельно слушая представление. Очередное представление...

Джек прислал ультиматум: или фонд перестаёт разыскивать Пола и дело удаётся замять, либо компания Джека прекращает работать с фондом и многие домашние питомцы останутся без дома. Он поставил перед ними выбор: либо умирает их друг и товарищ Пол, либо, вероятно навсегда, остаются одиноки те невинные животные, что могли бы обрести семью. И нет большей душевной мерзости, чем это.

— Кто ты? Почему ты со мной разговариваешь?

Привет! Это я, твоё подсознание.

— Подсознание?

То, о чём ты думаешь, не думая, это я. То есть это ты. Твоя личность, во всех существующих измерениях. Просто пришёл сказать, чтобы привести тебя к осознанию: даже бездействие — это действие. И только честность с собой даёт шанс на спасение.

— Как спастись?

Слушай сердце.

— Но...

Я лишь разум...

Всё сначала окуталось сиянием, а потом померкло, погрузилось во тьму на мгновение, после чего проявилось. Теперь многое стало явью. Но что делать с истиной, когда она предполагает действие? Разум говорит: действовать тогда, когда это нужно, и так, как это необходимо. А что же говорит сердце?

Пиона сидела в своём офисе и постоянно размышляла о чём-то отвлечённом. Вдруг она заметила пробегающую мимо Диану. Та была одновременно и радостна, и взволнована, и явно продвигалась в кабинет Пионы. «Ох, сейчас что-то будет». Случилось то, от чего сердце ёкнуло и ожидать следующего никак было нельзя. Пол нашёлся. Под мостом. Одна из поисковых патрулирующих город волонтерских групп обнаружила некоего парня, что сильно напоминает того, кто на фотографии. Отправив данное фото Диане, та тут же побежала к ней за подтверждением. «Это же Пол? Пол?!».

Пиона присмотрелась к фото. Да, это был он... Его лицо. Что же они с ним сделали? Девушку охватил шок, а после настиг и ужас. Нужно было помочь Полу, хотя бы как-то. Ещё неизвестно, в сознании ли, и жив ли он вообще. Встав с кресла и направившись в холл, она принялась обустраивать его к приезду гостя. Поисковая группа доложила, что очень скоро привезут его к офису фонда, где те должны будут уже обеспечить должный уход. Со стороны Пионы это было единственным возможным проявлением заботы сейчас. У той замирало и вновь отмирало сердце каждую минуту, как она думала о нахождении Пола. Но зачем Джеку была нужна эта уступка?

Сразу после завершения всех дел она мигом направилась в кабинет, закрыла двери, спустила шторы и принялась перебирать одежду. Разумеется, решила принарядиться. Да, даже в кабинете её был необходимый для этого шкаф. Что прикажете делать, когда работа занимает чуть ли не половину суток? Женское сердце всегда требует возможности для самовыражения! Долгое время рассматривая шкафчик, куда она складывала все те немногочисленные вещи, что у той были, в её голове крутились занятные мысли.

Когда мы продаём ненужные вещи, кто определяет степень нужности? Ну, видимо мы. Но как? Наверное, исходя из своих вкусовых предпочтений на текущий момент. Но как мы решаем, будут ли например футболки с милым изображением единорога нам нужны, либо мы потеряли к ним интерес и наши вкусовые предпочтения изменились? Можно предположить, что чем дольше мы живём, тем больше привыкаем к своей психике. Мы учимся замечать закономерности на протяжении жизни, и уже точно знаем, какие интересы у нас меняются быстро, по настроению, а какие — задают тон последующим годам. Так если мы видим эти закономерности или, как минимум, понимаем их, почему же кто-то может утверждать, что некоторые люди просто не до конца осознают свои поступки? Может потому, что в корне всего этого — наше самомнение?

Наконец, надев длинное красное платье и причесав волосы, параллельно прихватив какую-то абсолютно ненужную с точки зрения наполнения, но необходимую с точки зрения образа, миловидную красную сумочку, девушка отправилась обратно в холл, присев там на диванчик сначала в облегчении, а после погрузившись в напряжённое ожидание.

— Как ты? — подошла Диана, положив руку Пионе на колено.

— Относительно. — её разбирало по кускам происходящее.

— Что значит «Относительно»?

— Всё относительно. Всё существует относительно пустоты, ведь так? Не будь пустоты, как бы мы поняли... что мы есть? Вот ты, Диана. Зачем ты здесь? Не в смысле сидишь, а в плане... для чего?

— В чём смысл жизни?

— Всё верно.

— А какая роль подразумевается? Какова ваша роль и какой вами смысл в данной роли предполагается? Для меня как для художника смысл — это нарисовать хорошую картину, как для ученицы — хорошо выучиться. — Диана говорила медленно и с улыбкой. — Смысл преподавателя заключается в роли преподавателя. Смысл предполагает роль. Любое значение не существует в вакууме.

И действительно, а какова может быть роль Пионы и Пола? Что они будут значить, прежде всего друг для друга, после того момента. Вернее особенно после того, что случилось... И как теперь Пиона посмотрит ему в глаза, когда тот приедет? И сможет ли посмотреть? Либо же совесть её задушит. С другой стороны, она ведь не знала, она просто поверила... какой-то записке. У неё в голове всё взбушевалось, чувства собрались в клубок, а душа же просто желала спокойствия. И спокойствие это было в честности. Он может принять.

А ей это удастся?

Эльфийку настигла тревога. Она стала то нервно поправлять своё платье, то волосами вновь и вновь закрывала нетипичные уши. Странно, несмотря на то, что в здании всем было известно о её принадлежности к данной расе, она всё равно скрывала их. Наверное, это говорили комплексы — ведь какой бы черта красивой ни была, презрительное отношение злобного меньшинства, отравленного ядом ксенофобии и другими пороками, заставляло поселиться в голове мысли, что быть другой при всём остальном таки представляется ужасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.